

УДК 94(510)08+303

Внутренняя Монголия в составе империи Цин

Л. В. Курас

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

Аннотация. В статье повествуется о внутренней политике династии Цин и процессе взаимоотношений органов власти Китая и Внутренней Монголии в период маньчжурской династии. Это вылилось в создание особого режима власти и системы взаимоотношений маньчжурской династии и Внутренней Монголии. К этому следует добавить интерес России и Японии к региону и рост влияния буддизма. Данные факторы сформировали определенный тип общественно-политических отношений во Внутренней Монголии.

Ключевые слова: Монгольская империя, Китай, империя Цин, Внутренняя Монголия, Внешняя Монголия, Российская империя, Синьхайская революция.

Проблема вертикали власти в Цинской империи является объектом изучения современной отечественной историографии. При этом упор делается на систему управления Внешней Монголии [2]. Между тем Внутренняя Монголия имела свою, отличную от Внешней Монголии, специфику во внутренней политике Цинской империи и уже потому требует специального внимания.

С конца XIV в. в Монголии начинается процесс децентрализации власти, сопровождавшийся междоусобными войнами. Одновременно с этим монгольские княжества предпринимают постоянные набеги на китайские провинции. В свою очередь, Минская администрация организовывала военные походы на монгольские территории, чтобы предотвратить монгольские набеги и обезопасить северные границы Китая [10, с. 9–11]. Но раздробленность приграничных китайских областей позволила монголам по-прежнему осуществлять разорительные набеги на китайские провинции.

В начале XV в. Монголия была поделена на Западную и Восточную, а в середине XV в. между ними началась волна междоусобных войн, что отражалось на отношениях с Китаем [10, с. 28, 30]. Из-за этих войн в XVI в. постепенно стирается разделение на Восточную и Западную Монголию и формируются новые регионы. В результате объединения нескольких восточных ойратских аймаков и Северной Монголии образовалась Халха. Западные части Монголии из оставшихся аймаков ойратов сформировали регион Дурбан-ойрат [3, с. 129]. С начала 1540-х гг. эта территория заселяется ханьски-

ми крестьянами-иммигрантами. Они жили в укрепленных поселениях, одно из которых положило начало строительству Хух-Хото [11, с. 79]. Присутствие иммигрантов на территории Южной Монголии имело огромное значение, ибо они играли важную роль в возведении городов, освоении и развитии территорий, торговых отношений с Китаем, а также передавали необходимые знания. Сходство Хух-Хото с традиционными китайскими городами отмечал и Г. Н. Потанин [11, с. 80]. В XV–XVI вв. на пограничных территориях Китая и Монголии велась активная торговля через приграничные рынки, где монголы могли обменивать скот и лошадей на зерно из Китая. Организация торговли в пограничной полосе находилась под строгим контролем минской администрации. При этом торговля выполняла ряд функций: во-первых, способствовала налаживанию добрососедских отношений китайцев с монголами; во-вторых, оберегала приграничные китайские территории от набегов; в-третьих, формировала позитивную историческую память как у китайцев, так и у монголов [10, с. 167–168]. Умиротворение Китаем «северного соседа» осуществлялось двумя способами. Во-первых, минская администрация предоставляла титулы южномонгольским князьям, разрешала им посещать меновые рынки и скупала лошадей по завышенной цене; во-вторых, сказывалось распространение буддизма в этом регионе.

Резкие перемены в духовной жизни монголов позволили Китаю избежать многих конфликтов и военных набегов. В этой связи важную роль сыграла личность монгольского лидера Алтан-хана, который стал вассалом минского императора и был возведен в ранг князя. Это позволило ему получить высокий статус и экономические преимущества по отношению к другим монгольским князьям [5, с. 260]. В свою очередь это дало возможность администрации Мин получить контроль над территориями Южной Монголии, а хану обеспечивало поддержку Китая.

Такие политические связи способствовали сближению Китая и Южной Монголии, а также получению впоследствии регионами Южной Монголии особого административного статуса. Введение минской династией для монгольских князей титулов положило начало особым политическим отношениям, при которых монголы, получившие титулы, стали поддерживать китайские династические режимы. Тем самым династическая администрация официально заручилась военной и политической поддержкой со стороны южных монголов. В стратегическом плане это было выгодно китайской администрации, которая в последующем увеличила количество выдаваемых титулов. Такое политическое положение сохранялось вплоть до начала XX в.

Однако после смерти Алтан-хана князя Южной Монголии начинают междоусобные войны и набеги на китайские территории, которые продолжались вплоть до прихода династии Цин.

В период династии Мин Китай распространял свое политическое влияние лишь на часть Южной Маньчжурии. Остальную территорию Маньчжурии населяли около 60 полунезависимых тунгусо-маньчжурских племен, где уже началось формирование феодального способа производства и племенные вожди превратились в наследственных князей, враждовавших между собой.

В конце XVI в. вождь племени маньчжу Нурхаци объединяет все племена и начинается формирование маньчжурского военно-феодального государства, завоевательная политика которого затрагивает интересы монгольских феодалов. Маньчжуры понимали, что их планы завоевания всего Китая не осуществимы, пока на правом фланге их государства существуют независимые монгольские княжества. Именно поэтому ликвидация независимости Монголии стала одной из важнейших задач маньчжурских феодалов.

Маньчжуры, умело используя феодальную раздробленность Монголии, подкупая одних монгольских князей и завоевывая других, сломали сопротивление монгольского народа и в первые десятилетия XVII в. подчинили себе Южную Монголию. В 1636 г. князя Южной Монголии провозгласили маньчжурского лидера Абахая ханом. Княжества Южной Монголии стали именоваться Внутренней Монголией в отличие от княжеств северной и западной частей страны, оставшихся независимыми и получивших наименование Внешней Монголии (Халха) [13, с. 7]. В том же году Абахай дал своему царству название – «Цин» («Чистое»). Именно под этим названием маньчжурская династия правила в Китае с 1644 г. (захват Пекина) до 1911 г. (Синьхайская революция).

Укрепившись в Южной Монголии, маньчжуры активизировали свои попытки подчинения халхаских княжеств (Северная Монголия), которые еще 50 лет сохраняли свою независимость. И только раздоры между Халхой и ойратами помогли маньчжурам распространить свою власть и на Халху. В 1689 г. халхаские феодалы на своем съезде решили признать маньчжурское господство, чему способствовал подкупленный маньчжурами глава ламаистской церкви в Монголии Ундур-гэгэн, хотя часть князей высказалась за переход в подданство России.

Церемония принятия халхасов под власть маньчжуров совершилась в Долон-нуре (Долонорский сейм) в 1691 г., где в присутствии маньчжурского императора Канси было оформлено включение халхаских феодальных княжеств в состав империи Цин. Северная Монголия потеряла свою самостоятельность.

Маньчжуры реорганизовали институты управления степными племенами, включив монголов в военно-административную систему империи. Из племен создали так называемые знамена (ци). Монгольские ханы и старейшины принимались на службу и получали чиновничьи титулы. Для управления делами монголов было организовано специальное ведомство, а в 1636 г. введено «Уложение», регламентировавшее правила поведения кочевников. Маньчжуры использовали самые разнообразные способы контроля за номадами: брачные союзы с ханами, институт заложничества, конкуренцию между различными племенами, переселение на север китайцев и поощрение оседлости.

Буддизм начал распространиться на территории Монголии с конца XVI в. В 1586 г. на месте развалин Каракорума был основан первый буддийский монастырь Эрдени-Дзу. Сначала новую религию приняла элита. Простые номады были равнодушны к «желтой вере» (так монголы называли

буддизм по цвету одежды его монахов). Однако в период правления цинской династии в Монголии роль буддизма (ламаизма) резко выросла. Он помогал решению извечной для китайских империй проблемы замирения кочевников.

Номады стали вовлекаться в процесс рыночного обмена. Но китайские торговцы сознательно занижали стоимость скотоводческой продукции, поставляя кочевникам товары низкого качества. Поскольку у скотоводов не хватало наличных денег, жители Поднебесной с легкостью давали им средства займы под высокие проценты, что приводило к разорению степняков. Элита поощряла такое положение дел, поскольку пользовалась у китайцев неограниченным кредитом. В целом скотоводческое хозяйство было вынуждено приспособливаться к новым экономическим реалиям и ориентироваться на внешний рынок. С этого времени номады оказались вытесненными с авансены мировой истории.

Территориальные рамки Внутренней Монголии простирались от границ Маньчжурии к западу до Аньсичжоу (регион, граничащий с Синьцзяном) и от Китайской стены до Гоби (Шамо) и Амура. Она состояла из 25 аймаков [3, с. 130]. Уже после десяти лет существования Внутренней Монголии в составе Китая, в 1644–1661 гг., цинское правительство начало объединение некоторых хошунов в сеймы Чжирим, Чжосот, Силингол, Уланцаб и Ихэчжоу. Для каждого сейма назначался председатель и его заместитель. Сеймы имели ограниченную власть и не могли принимать политические решения самостоятельно [1, с. 10]. В 1653 г. между Халхой и Южной Монголией была установлена граница, которая сохранялась и после присоединения Халхи [6, с. 141]. Сохранение границы позволяло сдерживать набеги кочевников из Внешней Монголии до ее полного включения в состав Китая.

Именно в этот период Внутренняя Монголия вошла в состав Китая как особая административная единица. Для управления землями Внутренней Монголии в XVII в. потребовалось создание особого органа – Лифаньюаня – «Палаты внешних сношений», или «Палаты по делам зависимых территорий». Этот орган формировался из членов маньчжурской восьмизнаменной армии. Уложение Лифаньюаня определило положение Внутренней Монголии как более близкое к внутренним провинциям Китая, чем Халхи. Культурные, экономические и политические связи Внутренней Монголии были прочно включены в структуру административного аппарата Китая. Территория Внутренней Монголии имела статус провинции, в то время как Халха находилась в вассальных отношениях с Китаем. Вся территория Монголии, после ее включения в состав Цинской империи, была поделена на административные единицы – знамена или хошуны. Знамя формировалось как военно-административная единица, и в него включались войска. Главы родов выступали в виде местной администрации. Каждое знамя управлялось титулованным лицом, которое, в свою очередь, присягало на верность цинской администрации. С целью ослабления Внутренней Монголии цинское правительство провело три административных реформы (1691, 1741 и 1765 гг.), что увеличило количество административных единиц в регионе. В 1789 г.

Цинская администрация полностью запретила менять знамена князьям и переходить жителям Внутренней Монголии из одного хошуна в другой без специального разрешения [5, с. 260]. Эти меры позволяли не допустить усиления или объединения монгольских князей, а также препятствовали переходу подданных в другие знамена. Такая модель управления эффективно контролировала баланс сил во Внутренней Монголии, торговые отношения и общество и позволила встроить эту часть Монголии в политическую и экономическую структуру Китая. В то же время она усложнила межэтнические взаимодействия, которые серьезно отражались на экономике региона. Лифаньюань играл важнейшую роль в управлении национальными административно-территориальными единицами: Тибетом, Синьцзяном, Халхой и Внутренней Монголией. Работа органа базировалась на двух принципах: политика и язык, что определялось политикой «соотношения силы с императорской добродетелью». С одной стороны, это понималось как административное управление, а с другой – «консервативное правление с помощью традиций», т. е. обеспечение принципа сохранения языка и культурных особенностей. Подобные подходы цинской администрации к управлению отражали важнейший принцип традиционной политики гармонизации общества.

В начале XIX в. Южная Монголия и Халха, несмотря на то что являлись частью Китая, имели разные политические свободы. Халха обладала более широкими политическими свободами, чем Внутренняя Монголия. Такая ситуация объяснялась тем, что Халха была более удалена от политического центра, чем Южная Монголия, а также имела небольшой контингент войск. В это время социальная структура Внутренней и Внешней Монголии была идентичной.

Китай предоставлял титулы семье хана Внутренней Монголии и всем его родственникам. К 1800 г. цинские титулы имели практически все князья знамен. Это позволило Китаю контролировать деятельность князей, а также приобщить их к китайской политической культуре, которая оказала воздействие не только на монгольских князей, но и на ламаистскую церковь. Она получила в XIX в. мощное развитие. Ламаистские храмы стали играть роль не только религиозных центров, но и отправных точек развития городских культурных центров, в которых была сосредоточена городская торговля. Это способствовало увеличению числа ламаистских храмов, количество которых к началу XX в. достигло 1000 во Внутренней и 750 во Внешней Монголии. Тем самым влияние ламаистской церкви во Внутренней Монголии усилилось, и цинская администрация уже не могла полностью контролировать ее деятельность. Опасения администрации также вызвал тот факт, что постепенно происходило сближение знатных семей с ламаистской церковью. Поэтому цинское правительство не поддерживало реинкарнацию в богатых семьях. Городские торговые центры сыграли для Внутренней Монголии очень важную роль. Во-первых, их развитие привело к включению монгольских торговых потоков в экономическую систему Китая. Во-вторых, Внутренняя Монголия, и прежде всего Хух-Хото, стала центром азиатской торговли.

Весь XIX в. росла разница в развитии между Внутренней и Внешней Монголией. Халха имела более широкие политические свободы, ее экономическая система была слабо интегрирована в общий китайский рынок, а присутствие военного контингента и ханьского населения на территории Внешней Монголии было не столь значимым, как во Внутренней Монголии.

Именно поэтому в XIX в., из-за произвола цинских чиновников и начала переселения ханьцев в данный регион, во Внутренней Монголии складывается движение за права монголов, известное как «дугуйланское движение». Его участники обсуждали жизненные проблемы, связанные с произволом чиновников и управлением регионом, результатом чего стало составление соответствующих петиций к администрации хошуна. Несмотря на то что «дугуйланское движение» носило мирный характер, в некоторых хошунах происходили и вооруженные выступления [1, с. 15]. К середине XIX в. во Внутренней Монголии уже проживало около миллиона ханьцев и примерно столько же монголов [11, с. 337].

К концу XIX в. династия Цин продолжила колонизацию земель Внутренней Монголии, объяснялось с необходимостью усиления окраин государства в связи с распространением влияния Российской империи. Уже с 1880 г. в некоторых городах Внутренней Монголии появились пункты, которые занимались переселением туда китайцев. К 1902 г. переселенческая сеть была распространена в крупных городах региона, а позднее в Суйбани было создано центральное управление [1, с. 14]. Ханьские переселенцы занимали лучшие земли, изгоняя с них монголов-скотоводов. Это спровоцировало волну недовольства среди монгольского населения, что позднее вылилось в межэтническую напряженность и антимагьчжурское движение.

В конце XIX в. цинская администрация начинает проводить более гибкую политику по отношению к Халхе, Внутренней Монголии, Тибету и Синьцзяну, что повлияло на активность политических сил в этих регионах. Это было обусловлено поражением Китая в опиумных войнах, колонизацией западными странами и усилением влияния Японии. В этой связи и в Халхе, и во Внутренней Монголии цинское правительство использовало местные правящие элиты для управления территориями. В свою очередь, в обмен на предоставление более широкой автономии монгольские ламы и князья должны были получить соответствующее разрешение от цинского правительства на официальное управление. Такая политика по отношению к этим регионам получила название «ослабление повода». И к началу XX в. империя Цин имела множество государственных проблем, связанных с оккупацией, нарастающей мощью Японии и потерей части территории после Японо-китайской войны. Все это привело к обнародованию в 1901 г. указа о проведении реформ. В январе 1901 г. был опубликован декрет, в котором объявлялось о новых реформах, получивших название «новой политики». В 1902 г. цинское правительство начало проводить политику в отношении всей Монголии, получившую название «реальная сторона иммиграции». Региональная политика была частью общекитайской «новой политики», которая была направлена на форсированное развитие Китая. «Реальная сторо-

на иммиграции» обязала всех ханьцев, проживающих во Внутренней и Внешней Монголии, осваивать новые земли, а также инициировала миграцию ханьцев в эти регионы. С 1902 по 1904 г. в восточных и западных частях Монголии ханьцами было освоено более 32 млн му⁵ земельных наделов и приобретено территорий для земледелия более чем на 6 млн 500 тыс. серебряных лян⁶ [7, с. 357].

В китайском обществе одной из острых проблем в начале XX в. стала система образования, которая практически с середины XIX в. была неэффективна. Поэтому «новая политика» Цинской империи была также сфокусирована на реформировании образования. В частности, во Внутренней Монголии у ламаистских церквей отбирались земли и передавались школам, что вызвало недовольство ламаистского духовенства. С 1902 по 1906 г. реформа образования утвердила новый этап развития, который получил название «продвижение родного места» – «сянгу», в основу которого было положено обучение в начальных классах на родном языке в районах проживания национальных меньшинств. Цинская администрация полагала, что это позволит учащимся установить связь между их родным местом и нацией в целом, что поможет избежать назревания восстаний и революций. Такая политика была вполне эффективна для Внутренней Монголии, где население в большей части было моноэтничным. Однако на юге Китая эта реформа потерпела крах, так как там проживало множество малых народностей и проведение политики только в отношении больших национальных групп вызвало недовольство у остальных народов. Ханьская миграция как важный элемент «новой политики» усилила межэтническую напряженность в регионе, нанесла вред монгольским традиционным производственным силам и не способствовала укреплению границ.

Традиционный способ производства во Внутренней Монголии был кочевой. Но так как многие районы не годились для земледелия, хотя их пытались использовать для этого, огромные территории пастбищ были загублены. Более того, данная политика разрушала традиционные общественные устои монголов, что вызвало массовое недовольство среди местного населения, особенно среди ламаистского духовенства. Поэтому ламаистская церковь стала распространять призывы к независимости Внешней Монголии от Китая. Из-за недовольства местной властью, которая полностью была подчинена цинскому правительству, в 1905 г. в Чжалайтском хошуне Чжиримского сейма началось антикитайское движение аратов. Они требовали от местных властей вернуть им землю, распроданную ханьским переселенцам, в противном случае многие скотоводы были готовы переселиться в Халху. Это движение положило начало массовым антикитайским выступлениям и погромам в сейме Чжирим [1, с. 16]. В первое десятилетие XX в. цинская администрация провела административно-территориальные изменения во Внутренней Монголии, которые положили начало распаду территориальной

⁵ Му (Китай) – 60 кв. м.

⁶ Лян серебряный в Китае – 31 гр. серебра.

целостности региона. Причиной послужило антикитайское движение в Чжириме. В 1907 г. земли аймака Чжирим были разделены между тремя вновь образованными провинциями Ляонин, Гири (или Цзилинь), Хэйлунцзян. В планах также было дальнейшее территориальное реформирование Внутренней Монголии, но этому помешала Синьхайская революция. Усиление политической независимости Внешней Монголии началось в середине XIX в., когда она вошла в сферу национальных интересов Российской империи. В начале XX в. на территории Внешней Монголии начал активно функционировать западный капитал, что привело в 1907 г. к появлению в Урге первой английской фирмы. Цинские власти не смогли сдерживать проникновение капитала западных держав. В Халхе были обнаружены большие рудные запасы, а также разведаны запасы золота. При слабости государственного контроля над Халхой западные компании начали направлять капитал в Ургу. Эти факторы привели к увеличению ее политической и экономической независимости не только от Китая, но и от Внутренней Монголии. Если Внешняя Монголия была сферой интересов Российской империи, то Внутренняя Монголия к 1905 г., особенно ее восточная часть, стала сферой интересов Японии, которая распространяла свое влияние в Маньчжурии и на Ляодунском полуострове [4, с. 18]. Хаос, охвативший политическую систему цинской администрации, а также множество проблем, с которыми страна не смогла справиться, привели к социально-политическому взрыву, уничтожившему империю осенью 1911 г. [7, с. 356]. Победа Синьхайской революции привела Китай не только к социально-политическим изменениям, но и к территориальным – Внешняя Монголия преобразуется в независимую монархию, а Тибет обретает независимость. Переходу власти во Внешней Монголии в руки монгольских князей и высшего духовенства способствовали многие обстоятельства, в том числе растерянность немногочисленных маньчжуро-китайских войск, находившихся здесь, отсутствие значительного постоянного ханьского населения (волна колонизации не дошла до Внешней Монголии), поддержка со стороны царской России, которая была заинтересована в «самоуправлении» Внешней Монголии, и, безусловно, сильные антикитайские настроения среди трудовых масс, многие десятилетия страдавших от грабежа, притеснений и издевательств со стороны солдат, чиновников, купцов и ростовщиков Цинской империи [4, с. 26]. 16 декабря 1911 г. на ханский престол был возведен Богдо-гэгэн VIII, а к осени 1912 г. власть его правительства уже распространялась на Внешнюю Монголию [Там же]. В это время политическая ситуация во Внутренней Монголии также находилась под влиянием внутренних и внешних факторов, которые оказали влияние на дальнейшую социально-политическую обстановку в данном регионе. Внешние факторы обуславливались политическими действиями двух стран: Российской империи и Японии, которые с конца XIX в. увеличивали свое влияние в Северном и Северо-Восточном Китае. Россия, сферой интересов которой оставалась Внешняя Монголия, после Синьхайской революции продолжала распространять свое влияние на Юг – на Внутреннюю Монголию. Япония, добившись контроля над Ляодунским

полуостровом и Маньчжурией, постепенно усиливала свои позиции в восточной части Внутренней Монголии. Шла борьба за сферы влияния, итогом которой стали русско-японские соглашения о разделе сфер влияния, подписанные в 1907 и 1910 гг. [9, с. 45]. Столкновение интересов двух держав в этом регионе привело 8 июля 1912 г. к подписанию русско-японского соглашения, согласно которому Внутренняя Монголия была поделена на сферы влияния: западная часть отошла Российской империи, восточная – Японии. Более того, Синьхайская революция спровоцировала возникновение на Севере Китая мощного периферийного движения, которое помогло Халхе сломить китайское влияние и получить независимость. Внутренние социально-политические факторы обусловили изменение обстановки и во Внутренней Монголии, которая после Синьхайской революции была иной, чем в Халхе. Действия национально-патриотического движения не были там столь же успешными, как во Внешней Монголии. Это обуславливалось наличием следующих причин. Во-первых, Внутренняя Монголия не представляла собой единого целого ни в хозяйственном (часть монголов уже стала земледельцами), ни в политико-административном отношении, потому что территория Внутренней Монголии была поделена на шесть аймаков (сеймов): Чжирим, Чжоуда, Чжосот, Силингол, Уланцаб и Ихэчжоу. Более того, существовали многочисленные хошуны, которые не входили в состав аймаков [4, с. 26]. При таком административном делении региона консолидировать политические силы было достаточно проблематично. Во-вторых, на территории Внутренней Монголии продолжали службу китайские военные командиры, которые подавляли любые попытки восстания и поддерживали ханьское население. В-третьих, во Внешней Монголии сохранилось больше черт традиционного монгольского общества, чем во Внутренней Монголии. Во Внутренней Монголии в городах торговля заменила кочевой образ жизни. Она стала основой социальных отношений, и в нее были включены не только князья, но и ламаистское духовенство. В-четвертых, южномонгольские князья были глубже включены в систему коррупционных отношений с цинской администрацией, чем князья Халхи. Это позволило Китаю манипулировать политически зависимыми элитами Внутренней Монголии и не допустить политического объединения князей. В-пятых, Внутренняя Монголия «защищала» Халху от китайской колонизации, которая началась примерно с середины XIX в. Поэтому общество Внешней Монголии подверглось меньшей трансформации, чем общество Внутренней Монголии. Эти факторы сформировали определенный тип общественно-политических отношений во Внутренней Монголии, при котором политическое влияние Пекина было достаточно сильным, а земледелие, развитое китайской иммиграцией, стало доминировать над кочевым образом жизни и оказывать на него существенное влияние. Такая ситуация привела к новому витку национализма во Внутренней Монголии, который затем стал основой повстанческого движения. Это в конечном итоге привело к выделению особого административного района в составе Китая.

Таким образом, с XVII по XX в. Внутренняя Монголия играла достаточно весомую роль в политической и торговой жизни севера китайской империи. Китайская политика в этот период существенно менялась от умиротворения северного соседа до полного подчинения территории китайскому правительству. Поэтому на протяжении веков Внутренняя Монголия сохраняла свою политическую зависимость от Китая.

Список литературы

1. Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики / под ред. Б. Ширендыба, М. И. Сладковского. – М. : Мысль, 1980. – 158 с.
2. *Бадараев Д. Д.* Вертикаль власти в системе управления на территории Внешней Монголии в Цинской империи // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. – 2015. – № 14. – С. 67–74.
3. *Бичурин Н. Я.* Записки о Монголии / Н. Я. Бичурин. – СПб. : [Б. и.], 1828. – Т. 1–2.
4. *Богословский В. А.* Национальный вопрос в Китае (1911–1949) / В. А. Богословский, А. А. Москалев. – М. : Наука, 1984. – 263 с.
5. Границы Китая: история формирования / под ред. В. С. Мясникова, Е. Д. Степанова, А. А. Бокщанина. – М. : Памятники ист. мысли, 2001. – 470 с.
6. *Ермаченко И. С.* Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. / И. С. Ермаченко. – М. : Наука, 1974. – 161 с.
7. История Китая : учебник / под ред. А. В. Меликсетова. – 4-е изд. – М. : Высш. шк., 2007. – 736 с.
8. История Монголии: XX век. – М. : Вост. лит., 2007. – 448 с.
9. *Лузянин С. Г.* Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в: политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. / С. Г. Лузянин. – М. : Огни, 2000. – 320 с.
10. *Покотилов Д. Д.* История восточных монголов в период династии Мин, 1368–1634 / Д. Д. Покотилов. – СПб. : Тип. Император. Акад. наук, 1893. – 242 с.
11. *Потанин Г. Н.* Путешествия Г. Н. Потанина по Монголии, Тибету и Китаю / Г. Н. Потанин. – СПб. : Изд-во А. Ф. Девриена, 1915. – Вып. 2. – 224 с.
12. *Пржевальский Н. М.* Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки / Н. М. Пржевальский. – М. : ОГИЗ, 1948. – 252 с.
13. *Скрынникова Т. Д.* Ламаистская церковь и государство: Внешняя Монголия XVI–начало XX в. / Т. Д. Скрынникова. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-е, 1988. – 104 с.

Inner Mongolia as Part of the Empire of the Great Qing

L. V. Kuras

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS, Ulan-Ude

Abstract. The article examines the internal policy of the Qing dynasty in the relationship between authorities of China and Inner Mongolia under command of the Manchu dynasty. The policy evolved into a new form of government and system of relationships between the Manchu dynasty and Inner Mongolia. Besides, the policy was influenced by Russia and Japan, manifested their interest towards the territory. The policy was also affected by

Buddhism. All these factors shaped certain type of social and political relationship in Inner Mongolia.

Keywords: Mongolian Empire, China, the Qing dynasty, Inner Mongolia, Outer Mongolia, the Russian Empire, the Xinhai Revolution.

Курас Леонид Владимирович

*доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник*

*Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН.*

670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

тел.: 8(3012)65-51-37

e-mail: kuraslv@yandex.ru

Kuras Leonid Vladimirovich

*Doctor of Sciences (History), Professor,
Senior Research Scientist*

*Institute for Mongolian, Buddhist
and Tibetan Studies SB RAS*

6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047

tel.: 8(3012)65-51-37

e-mail: kuraslv@yandex.ru